ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

18+



БЕЛЛЕВАР:

НАЧАЛО

В мире, где всё имеет цену,
самое дорогое — оспаться человеком.

18+

Денис Гайсин

Беллевар: Начало

«Автор»
2026

Гайсин Д.

Беллевар: Начало / Д. Гайсин — «Автор», 2026

Лео Морелли — 21-летний официант, который привык к спокойной жизни. Он работает, снимает небольшую квартиру и мечтает однажды открыть собственный ресторан.Всё меняется, когда после трёх лет разлуки в Беллевар возвращается его лучший друг детства Генри Беннетт. Теперь у Генри есть деньги, дорогая одежда, машины и связи с людьми из преступного мира. Он предлагает Лео работу, обещая хорошие деньги.Сначала новая жизнь кажется Лео шансом изменить своё будущее. Но вместе с деньгами приходят опасные поручения, насилие и люди, которым нельзя доверять.Тем временем в его жизни появляется София — девушка, с которой Лео начинает видеть возможность другой, нормальной жизни.Но когда их босс Виктор Рицци исчезает, оставив после себя долг в 500 000 долларов, прошлое настигает их.А решение Генри ограбить людей Фальконе превращает проблему в войну.«Беллевар: Начало» — история о дружбе, любви, деньгах и цене, которую приходится платить за жизнь, о которой ты когда-то мечтал.

© Гайсин Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ноябрь 7
Глава 2. Незнакомец в пальто 12
Г 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Денис Гайсин
Беллевар: Начало

БЕЛЛЕВАР
НАЧАЛО

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Ноябрь
Глава 2. Незнакомец в пальто
Глава 3. «Лео, это ты?»
Глава 4. Генри
Глава 5. Разговор после закрытия
Глава 6. Предложение
Глава 7. Новый босс
Глава 8. Первый день
Глава 9. Первые деньги
Глава 10. Что на самом деле делает организация
Глава 11. Новая одежда
Глава 12. Беллевар ночью
Глава 13. Машина
Глава 14. София
Глава 15. Первое свидание
Глава 16. Две жизни Лео
Глава 17. Генри и развлечения
Глава 18. Мечта о собственном бизнесе
Глава 19. Первое серьёзное поручение
Глава 20. Лео понимает цену денег
Глава 21. Тихий вечер с Софией
Глава 22. Кабинет Виктора
Глава 23. Виктор исчез
Глава 24. Три проданных бизнеса
Глава 25. Пятьсот тысяч
Глава 26. Полиция и кредиторы
Глава 27. Люди остаются одни
Глава 28. Генри предлагает действовать
Глава 29. Лео смотрит на свою жизнь иначе
Глава 30. Начало борьбы за долг
Глава 31. Деньги на стол
Глава 32. Полиция возвращается
Глава 33. София узнаёт
Глава 34. Долг растёт
Глава 35. Виктор найден
Глава 36. Ночь перед ответом
Глава 37. Разговор на втором этаже
Глава 38. Два дня в неделю
Глава 39. Чёрная книжка
Глава 40. Война
Глава 41. Склад семь

Глава 42. Первый шаг

Глава 1. Ноябрь

Дождь кончился к пяти, но город так и не высох. Вода стояла в выбоинах тротуара, блестела на камнях, и каждый раз, когда открывалась дверь, вместе с гостем в «Ла Фонте» входил запах мокрого асфальта и холодной шерсти.

Лео Морелли стоял за стойкой и протирал бокал. Бокал был чистым ещё минуту назад, но руки не любили пустоты.

«Ла Фонте» была маленькой тратторией на углу Виа дель Понте: три окна, восемь столов, медная вешалка у двери и бронзовый колокольчик над порогом. Днём здесь кормили портовых рабочих и служащих из ближних контор, а к вечеру зал пустел. В этом квартале ужинали дома. Траттория закрывалась в семь.

До семи оставалось больше часа. Часы над стойкой — круглые, с облупившейся эмалью — показывали без десяти шесть. За окном ноябрь уже сделал своё дело: небо над крышами было цвета остывшего кофе, фонари горели рано и тускло, редкие прохожие шли быстро, втянув головы в воротники.

Беллевар в ноябре пах морем и мокрым камнем. Если ветер поворачивал с запада, в Старый центр доносило порт: ржавчину, рыбу и дым грузовых судов. Если с севера — холмы, мокрую листву и дым печных труб. Между этими запахами жил город: трамваи, церковные колокола, машины, кафе, люди, которые спешили домой, и люди, которым было некуда спешить.

Виа дель Понте была одной из тех улиц, где время не шло, а стояло. Магазины закрывались рано, ставни были деревянными, а на углу до сих пор висела вывеска сапожника, который умер до рождения Лео. Вывеску никто не снимал: то ли из уважения, то ли из лени. Лео подозревал, что из лени.

Синьор Бьянки, хозяин, стоял за кассой и сводил дневную выручку. У него было круглое лицо, очки с толстыми линзами и карандаш, который он всегда держал за ухом, даже когда карандаш уже был в руке. Он водил пальцем по колонке цифр и время от времени вздыхал так, будто цифры были его роднёй и все разом заболели.

В кухне гремела кастрюлями Мария. Радио над плитой играло что-то старое, из тех песен, которые Лео слышал каждый день и не знал названия. В зале пахло кофе, луком и хлебом.

Лео протёр последний бокал, поставил его на полку и взял полотенце. Чистых столов оставалось два. За одним сидел синьор Дженнаро — единственный гость, который приходил сюда каждый вечер, независимо от погоды, и заказывал одно и то же.

Ему было за семьдесят. Он носил серое пальто, шляпу с потёртой лентой и газету, которую читал медленно, как письмо от человека, с которым давно не виделся. Перед ним стояла тарелка супа, початая бутылка вина и хлеб, разложенный на три равные части. Лео знал порядок: сначала суп, потом взгляд в окно, потом вино, потом спортивная страница и разочарование в «Беллеваре».

— «Беллевар» опять проиграл, — сказал Дженнаро, не поднимая глаз от газеты.

— Я слышал.

— Два ноля. Оба в свои ворота.

— Это талант.

— Это не талант, — сказал старик. — Это проклятие. В моё время защитники сначала смотрели, где мяч, а потом уже били по нему.

— А в ваше время вы за кого болели?

— За «Беллевар». — Он перевернул страницу. — Поэтому я и говорю: проклятие.

Лео улыбнулся и унёс пустую тарелку. Вернувшись, он положил на стол свежий хлеб, хотя старик не просил. Тот кивнул, не отрываясь от газеты.

— Вы каждый вечер читаете некрологи? — спросил Лео.

— Я читаю всё, — сказал Дженнаро. — В моём возрасте газета — единственное место, где со мной ещё разговаривают.

— А дома?

— Дома телевизор. Он говорит громко и никогда не слушает.

Лео не нашёлся что ответить. Старик посмотрел на него поверх газеты.

— Ты не обязан меня развлекать. Я здесь не за этим.

— А за чем?

— За супом. — Дженнаро поднял ложку. — И за тем, чтобы кто-то видел, что я ещё прихожу.

Он произнёс это спокойно, без жалобы, и вернулся к газете. Лео знал, что у синьора Дженнаро была жена, которая умерла пять лет назад, и сын, который уехал в Турин и звонил по воскресеньям. Знал он это не от старика, а от Марии, которая знала всё про всех и считала, что молчать об этом вредно для пищеварения.

За стеклом прошла пара под одним зонтом. Девушка смеялась, запрокинув голову; мужчина нёс её сумку и что-то говорил, наклоняясь к самому уху. Они свернули за угол и исчезли.

Лео смотрел им вслед, пока улица не опустела. Потом поправил салфетки на соседнем столе — ровно, кромка к кромке.

Он вырос на Сан-Марко, в приюте Святого Иосифа, в двух улицах отсюда. О родителях ему сказали, что они умерли, когда ему было три года. Он не помнил их — ни лиц, ни голосов — и вырос с этим знанием, как с плохо сросшейся костью: не болит каждый день, но ноет перед дождём.

В приюте было правило: не мечтать слишком громко. Мечты привлекали внимание, а внимание означало либо комиссию, либо неприятности. Лео усвоил правило хорошо. Он вообще хорошо усваивал правила.

Ему был двадцать один. Три года назад он закончил училище, получил диплом, который мало кому был нужен, и пришёл в «Ла Фонте» — на месяц, помочь с наплывом туристов. Через месяц синьор Бьянки предложил остаться. Через год Лео уже понимал, что остаётся не на месяц.

В первый день работы он разбил бутылку вина. Синьор Бьянки посмотрел на осколки, потом на Лео, потом сказал: «В следующий раз разбивай дешёвое». И вернулся к кассе. Лео тогда понял, что здесь его не уволят за ошибку, но и не похвалят за то, что он не ошибается. Это было похоже на жизнь в приюте, только платили деньги.

Он научился носить четыре тарелки на одной руке. Научился запоминать заказ с первого раза. Научился улыбаться людям, которые не смотрели на него, и не принимать это на свой счёт. Последнее было самым трудным.

У него была мечта, о которой он никому не рассказывал. Не богатство, не машина, не пальто из хорошего магазина. Он хотел когда-нибудь своё заведение. Маленькое, на десять столов, с витриной и собственной вывеской. Место, куда люди будут приходить потому, что им там хорошо, а не потому, что больше некуда. И главное — место, где его никто не сможет попросить уйти.

Люди из приюта редко мечтали о большем. Лео мечтал о своём заведении так, как другие мечтают о кругосветном путешествии: тихо, упрямо и без надежды, что это когда-нибудь случится.

Он представлял вывеску. Не название — название он ещё не придумал, — а саму доску: тёмное дерево, золотые буквы, петля для фартука за дверью, чтобы не носить его домой. В его воображении заведение всегда было открыто вечером, когда за окнами темно, а внутри горит свет.

В сберегательной книжке, лежавшей дома под стопкой рубашек, было шестьсот сорок тысяч лир. Он знал точную сумму до последней сотни. Ему казалось, что если считать акку-

ратно, мечта перестанет быть мечтой и станет арифметикой. Арифметика показывала, что до собственной траттории ему работать ещё лет десять.

Однажды он посчитал, сколько порций пасты нужно подать, чтобы приблизить этот день. Получилось так много, что он сбился и начал заново. Со второго раза получилось ещё больше. Он закрыл блокнот и больше не считал. Иногда полезно не знать точную цифру.

Дверь открылась. В начале седьмого пришли двое из порта — в брезентовых куртках, с измазанными мазутом руками. Они сели у двери, не сняв шапок, и заказали две порции пасты и кувшин красного. От их курток пахло рыбой и холодом.

— Дождь будет до пятницы, — сказал тот, что помоложе.

— Дождь будет до весны, — ответил второй.

— Если до весны, я уеду в Милан.

— В Милане тоже дождь.

— В Милане другой дождь. Там он идёт между деньгами.

Старший не ответил. Он обмакнул хлеб в соус и посмотрел в окно, будто уже видел этот другой дождь и не находил в нём ничего хорошего.

Лео принёс им вино. Молодой попросил ещё хлеба, старший — ещё соуса. Они ели молча, быстро, как люди, у которых перерыв кончается раньше, чем голод. Через двадцать минут оба поднялись. Старший положил на стол деньги, молодой — монету на чай. У двери он обернулся:

— Спокойной ночи, Лео.

— Спокойной ночи.

Странно было слышать своё имя от человека, которого он не знал. Но в этом квартале все знали, кто подаёт пасту.

Без двадцати семь дверь открылась снова. Вошёл мужчина в мокром плаще, а за ним — девочка лет семи, в красной шапке, из-под которой торчали две тёмные косички. Мужчина держал её за руку так крепко, будто боялся, что она улетит.

— Нам только суп, — сказал он. — И молоко. Если можно.

— Можно, — сказал Лео.

Они сели у окна. Девочка сняла шапку, положила её на колени и стала смотреть на Лео с таким видом, будто он был частью представления.

— А почему вы в фартуке? — спросила она.

— Потому что я всё проливаю.

— Всё?

— Почти всё.

— Тогда вам нужен фартук побольше.

Мужчина устало улыбнулся. Он был в сером свитере с растянутыми локтями и всё время поглядывал на часы. Лео принёс суп, молоко и хлеб. Девочка вытащила из кармана огрызок карандаша и начала рисовать на салфетке.

— Что ты рисуешь? — спросил Лео.

— Дом.

— Красивый.

— Это не просто дом. Это дом, где мы будем жить, когда у папы будет новая работа.

Мужчина ничего не сказал. Он помешал суп, будто в нём было что-то, что нужно было исправить.

Лео принёс девочке печенье. Она посмотрела на отца, и только когда тот кивнул, взяла.

— Спасибо, — сказала она. — А вы здесь живёте?

— Нет. Я здесь работаю.

— А потом идёте домой?

— Потом иду домой.

— А там кто?

— Никого.

Девочка задумалась. Потом сказала:

— Это грустно.

— Немного.

— А вы заведите кота.

Мужчина тихо засмеялся — впервые за вечер. Лео улыбнулся.

— Я подумаю.

Когда они уходили, девочка помахала ему рукой. Лео помахал в ответ. Дверь закрылась, и в зале снова стало тихо — так тихо, что стало слышно, как в кухне Мария выключает радио.

Кухонная дверь хлопнула. Вышла Мария в пальто, с сумкой на локте, и посмотрела на Лео так, как смотрят на человека, который опять забыл поесть.

— Ты что, до утра здесь стоять собираешься?

— Я закрываюсь.

— Закрывайся быстрее. — Она сунула ему в руки бумажный свёрток. — Тут хлеб и сыр. Не спорь.

— Я не спорю.

— Ещё как споришь. Молча. Это самое вредное.

Лео взял свёрток. Он был ещё тёплый.

— А где синьор Бьянки?

— В подсобке. Ищет лампочку, которую потерял в августе. — Мария поправила шарф. — У моего племянника в Генуе опять новая работа.

— Он уже работал в порту, в типографии и, кажется, в цирке.

— В цирке он не работал. Он продавал билеты рядом с цирком. Это разные вещи.

— Извините.

— Ничего. Он говорит, что ищет себя. Я говорю, что он ищет маму, которая будет за него платить.

Она вздохнула и направилась к кухонной двери, но у порога остановилась.

— Лео.

— Да?

— Ты хороший мальчик. — Она сказала это без улыбки, будто сообщала неприятную новость. — Но хорошие мальчики иногда слишком долго ждут.

Дверь кухни закрылась за ней.

В зале Лео остался один. Из кухни доносилось, как Мария ищет свой зонт — она вечно оставляла его то на полке, то за плитой. Радио уже выключили, и в зале стало слышно улицу — редкие машины, чьи-то шаги, капли с навеса. Он обошёл столы, поправил скатерть на угловом, выключил одну из ламп. Жёлтый свет сузился до пятна над стойкой.

Он сложил салфетки треугольниками, как учила Мария. Проверил, закрыто ли окно в зале. Заглянул в туалет, где всегда мигал свет. Выключил кофемашину, провёл тряпкой по стойке. На выключателе была трещина, которую он замечал каждый вечер и каждый вечер забывал.

Синьор Бьянки вышел из подсобки, вытирая руки о тряпку.

— Лампочку не нашёл, — объявил он.

— Удивительно.

— В этот ноябрь все считают каждую лиру. — Он снял очки и потёр переносицу. — Люди купят подарки к Рождеству, потом три месяца будут есть дома.

— Может, к весне будет лучше.

— К весне я умру. — Он надел пальто. — Приходи завтра на полчаса раньше. Привезут вино, надо разложить.

— Хорошо.

— И лампочку купи.

— Вы же сказали, что ищете её.

— Я искал. Не нашёл. Значит, надо купить. — Он открыл заднюю дверь и добавил уже из темноты: — У старых людей есть право забывать про лампочки.

Дверь закрылась. Замок щёлкнул.

Лео подошёл к вешалке и посмотрел на своё пальто — тёмно-серое, купленное три года назад, с чуть прогнувшимися плечами. В витрине соседнего магазина сегодня утром опять подняли ценник. Новое пальто пришлось бы покупать к зиме. Старое ещё послужит.

Он отвернулся от вешалки, взял со стойки счёт и пересчитал чаевые. Двести восемьдесят лир — хлеб, молоко и трамвайный билет. Если не повезёт с погодой, только хлеб и молоко.

В тёмном окне отразился невысокий парень в белой рубашке и чёрном фартуке. Волосы, утром лежавшие ровно, теперь торчали в стороны. Над левой бровью бледнел тонкий шрам. Лео поправил воротник, будто перед ним был кто-то другой, кому стоило выглядеть прилично.

Он давно понял: одиночество — это не когда рядом никого нет. Это когда ты знаешь, что можешь исчезнуть, и никто не заметит до утра.

Было без трёх минут семь. Лео взял с полки табличку «Chiuso» и подошёл к двери. На улице снова начал накрапывать дождь — мелкий, почти невидимый, но фонарь уже окружился мутным ореолом. Лео взялся за ручку, собираясь перевернуть табличку, и в этот момент колокольчик над порогом звякнул.

Глава 2. Незнакомец в пальто

Мужчина вошёл вместе с холодом. Дверь поддалась ему так легко, будто он привык, что двери открываются сами, и колокольчик над порогом звякнул ещё раз — коротко, с удивлением.

Лео отступил на шаг.

На пороге стоял молодой мужчинав тёмно-сером пальто до колен. Высокий, широкоплечий, с непокрытой головой, хотя на улице было не больше шести градусов. Воротник стоял, шарф завязан небрежно и точно, на левом запястье блестели тонкие серебряные часы. С пальто капало на кафель.

Он не был похож на человека, который заблудился. И не был похож на человека, который зашёл в «Ла Фонте» случайно.

— Мы закрываемся, — сказал Лео.

— Я вижу. — Незнакомец посмотрел на пустой зал, на стулья, на часы над стойкой. — Успею на кофе?

Голос у него был низкий, с лёгкой хрипотцой. Лео почему-то подумал, что этот голос много говорил по телефону.

— Кофе успеете. Кухня закрыта.

— Кухня — это хорошо. Я не голоден. — Он сделал шаг внутрь, и Лео почувствовал запах табака и мокрой шерсти. — Хотя...

Он посмотрел на тарелку синьора Дженнаро, на хлеб, на початую бутылку вина. Потом на Лео.

— А если я скажу, что голоден?

Дверь кухни открылась. Мария вышла в пальто, с сумкой на локте и с зонтом в руке — видимо, всё-таки нашла его, — и оценила гостя одним взглядом: от начищенных туфель до серебряных часов. Потом поджала губы.

— Кухня закрыта, — сказала она.

— Я понимаю, — сказал незнакомец. — Я сегодня с дороги. Замёрз так, что готов есть даже обои.

— Обои у нас не подают.

— Тогда что-нибудь горячее. Что осталось.

Мария помолчала. Потом вздохнула с таким видом, будто он только что подтвердил её худшие подозрения о мужчинах.

— Паста с чесноком и маслом. Не французская кухня, но горячая.

— Это всё, что мне нужно.

Она ушла на кухню, ворча что-то про людей, которые не знают, что такое закрытие. Незнакомец снял пальто и повесил его на медную вешалку. Движения у него были спокойные, уверенные, как у человека, который привык, что его вещи всегда оказываются там, где нужно.

Под пальто был тёмный костюм, светлая рубашка и галстук. Лео не разбирался в одежде, но понимал, что этот костюм стоит больше, чем его месячная зарплата. Часы на запястье были старые, с потёртым ремешком, но Лео видел такие в витрине на Виа Лоренцо — за стеклом, рядом с табличкой, которую выставляли только для тех, кто мог позволить себе спросить цену.

Незнакомец сел за столик у окна — тот самый, с которого Лео только что убрал салфетки, — и положил руки на стол. У него были длинные пальцы и чисто подстриженные ногти. На безымянном пальце не было кольца. У основания большого пальца левой руки белел маленький шрам.

— Кофе? — спросил Лео.

— Кофе. И воды.

Лео пошёл к стойке, чувствуя на себе взгляд. Он не любил, когда на него смотрели. В «Ла Фонте» на него почти никогда не смотрели: люди смотрели в тарелку, в газету, в окно, в лицо тому, с кем пришли. Он был частью зала, как вешалка или часы. Но этот человек смотрел так, будто пытался вспомнить, где они встречались.

За окном, под фонарём, стоял длинный тёмный автомобиль. Дождь блестел на его крыше. Лео знал такие машины только по витринам и по улицам, где жили люди, которые никогда не заходили в «Ла Фонте».

Он поставил перед гостем воду и чашку. Тот кивнул.

— Вы давно здесь работаете?

— Три года.

— И как вам?

— Тихо.

— Это не всегда одно и то же.

Лео посмотрел на него. Незнакомец улыбнулся — открыто, без насмешки, — и Лео вдруг показалось, что он уже видел эту улыбку. Давно, в другой жизни. Но память не подсказывала где.

— Простите, — сказал Лео. — Мы знакомы?

— Не знаю. — Гость взял вилку. — Пока не знаю.

Он тихо засмеялся и постучал по столу двумя пальцами — два коротких удара, как будто поставил точку. Лео замер. Этот жест он знал. Знал так же хорошо, как собственное имя. Но память упрямо подсовывала чужие лица: школьного учителя, соседа из приюта, актёра из фильма. Ни одно не подходило.

Из кухни вышла Мария с тарелкой. Она поставила её перед незнакомцем, и он встал.

— Спасибо.

Мария посмотрела на него с подозрением.

— Воспитанный. Обычно это значит, что-то не так.

— Обычно да, — согласился он. — Но сегодня я просто голоден.

Она хмыкнула и повернулась к Лео.

— Я пойду. Закроешь сам.

— Хорошо.

— И не задерживайся. — Она покосилась на гостя. — Мало ли.

Дверь за ней закрылась. Синьор Дженнаро сложил газету, допил вино и поднялся. Он надевал шляпу медленно, как человек, которому некуда спешить, и всё это время смотрел на незнакомца.

— В наше время люди не приходили в ресторан перед самым закрытием, — сказал он.

— В ваше время рестораны закрывались позже, — ответил гость.

Старик хмыкнул. Потом посмотрел на Лео.

— Дерзкий, — сказал он. — Мне нравится. Спокойной ночи, Лео.

— Спокойной ночи, синьор Дженнаро.

Дверь звякнула. В зале остались двое.

Незнакомец ел быстро, но аккуратно. Когда на тарелке остался только соус, он отломил кусок хлеба и вытер тарелку — не из жадности, а по привычке, как человек, которого в детстве учили не оставлять еду. Лео машинально отметил это и сам не понял, почему отметил.

— Вкусно, — сказал гость. — Как в Сан-Марко.

— Вы из Сан-Марко?

— Вырос там. — Он откинулся на спинку стула. — Хотя, судя по тому, как здесь всё осталось, я никуда не уезжал.

— А вы уезжали?

— На три года.

Три года. Лео хотел спросить, куда, но вопрос показался ему слишком личным. Он собрал тарелку.

— Ещё кофе?

— Пожалуй.

Лео вернулся к стойке. Кофемашина зашипела, и в зале снова стало слышно дождь. Незнакомец смотрел в окно. В отражении его лицо было спокойным и усталым — таким, каким оно, наверное, бывало, когда на него никто не смотрел.

— Вы местный? — спросил он, не оборачиваясь.

— Да.

— Из какого района?

— Сан-Марко.

— Я тоже. — Он помолчал. — Я ходил в школу рядом с приютом Святого Иосифа.

Лео поставил чашку перед ним.

— Я там вырос.

Гость перестал помешивать кофе. Ложка замерла над чашкой.

— Вот как.

Он посмотрел на Лео иначе. Взгляд у него был цепкий, но не неприятный. Так смотрят люди, которые привыкли запоминать лица.

— В приюте было много детей? — спросил он.

— Достаточно.

— У вас там был друг?

Лео помолчал.

— Был один.

Гость не стал спрашивать имя. Он смотрел на Лео так, будто уже знал ответ.

— Сколько вам лет? — спросил он.

— Двадцать один.

— Двадцать один. — Он повторил это так, будто проверял цифру на счёте. — Значит, я не ошибся.

— В чём?

— Пока не знаю.

Он поднял чашку, сделал глоток и поморщился.

— У вас шрам над бровью, — сказал он.

— Да.

— Откуда?

— Упал с велосипеда. В детстве.

Гость не ответил сразу. Он смотрел на шрам так долго, что Лео стало не по себе.

— С чьего велосипеда? — спросил он наконец.

— Не помню. Мне было двенадцать.

— А я помню, — сказал он тихо.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.